

ПАНКИ

СОВРЕМЕННОМУ ПАНКУ

В 18 лет беззаботная жизнь Саши Иванова — портвейна, девчонки, любопытное изучение окрестных помоек — внезапно оборвалась. Страна призвала его к ответу.

Советская армия с радостью наложила на молодой мозг отпечаток — в 88-м Советский Союз бился в агонию, командование отличалось немотивированной жестокостью, а до дома было далеко. Товарищи Саши по призыву искали иной выход агрессии — слушали музыку панк-рок. Под жесткую и в то же время игривую музыку свободные западные музыкальные ребята пели солдатам с кассет о свободе, пофизизме и о том, как было прекрасно, если бы весь мир пошел в известном направлении. Саши тоже нравилось слушать такую музыку.

Возвратившись из армии, Иванов получил историческое образование и создал панк-группу «Наив». Сейчас Саши — 35. «Наиву» скоро — 15. 18 октября появится их новый альбом с новым названием — «Рок-н-ролл мертв?». Говорить о роке, панке и судьбах России в глобальной политике за пивом и кофе Саши пришел с сыном Славиком 11 лет. Саши говорил, а Славик молчал и болтал ногами

— Хочешь, чтобы твой сын пошел в армию?

— Не очень. Россия сейчас находится в сложной ситуации — мы только вышли из государственного феодализма, впереди у нас смутные перспективы, и нас прессуют со всех сторон. В этой ситуации я не хочу, чтобы мой сын попал в военизированное подразделение, которое будет отстаивать интересы очередной нефтяной трубы.

Для меня самого армия была травмой. Нормальный же человек, по идее, не должен быть панком и слушать такую музыку.

Я считаю, что панк-рок и есть то, что позволяет людям трансформировать негативную энергию во что-то. Или, по крайней мере, от нее освободиться. Я 15 лет играю панк и вижу, что никогда он не был так популярен, как сейчас.

— Что для тебя панк?

— В первую очередь это человек, так или иначе завязанный на музыку панк-рок.

— Сейчас даже альтернативщики «Корн» звучат жестче, чем панки «Рамонес». Как человек может понять, что он слушает панк-рок, а не альтернативу или хеви-метал?

— Надо слушать текст. В панк-песне предполагается наличие какого-то месседжа. То есть человек, который поет, хочет что-то сказать. Этот месседж может быть странным, перверсивным, агрессивным.

— А в чем твой основной месседж?

— В том, что нужно думать самому за себя и действовать по обстоятельствам. В этом нет ничего оригинального, открытия я не делаю. То, чем мы занимались в группе в первые 10 лет существования, сильно отличается от того, что мы делаем сейчас. Поэтому тебе 15 лет не может быть всегда. Теперь время совсем другое, приходится идти на компромиссы. Например, со СМИ. Потому что сейчас если тебя нет в СМИ, тебя вообще нет.

— А зачем тебе быть вообще, ты же панк, ты же сам за себя решаешь?

— Я хочу, чтобы то, что я говорю, меняло что-то. И чем большей аудитории я смогу это сказать, тем лучше. Если говорить о том, панк я или не панк, у меня нет такого заруба. Панками считаются те, кто нас слушает.

— Ну они еще маленькие, они и панков-то других не видели.

— И непонятно, увидят ли. Потому что у нас в стране люди вообще очень быстро стареют: 18 лет — в армию, потом все — какой панк, надо работать, чтобы выживать, потому жрать что-то надо, потому что жена прессует, дети орут... Уже вообще ни до какой культуры дела нет, может, только на «Любэ» можно сходить...

— То есть неслучайно у панков родилась фраза «Live fast, die young». Взрослый человек не может быть панком, потому что у него мозги уже появляются. Он уже не может жить только на чувствах.

— Я по-прежнему хочу самовыражаться, чувствовать давление и преодолевать его. Поэтому помимо занятий музыкой работаю в брокерской финансовой компании и зарабатываю там деньги, чтобы быть финансово независимым от доходов шоу-бизнеса и более или менее делать то, что хочу я, а не то, что мне диктуют другие.

— Но в офисе же, как известно, больше грязи, чем на помойке.

— Большой грязи, чем в шоу-бизнесе, нет вообще нигде. Там очень велико стремление одних групп лиц доминировать над другими, и чем больше эта степень доминирования — тем это считается лучше. Хуже шоу-бизнеса — только политика. В финансовом мире отношения гораздо более гуманные и человеческие.

— Я слышала, вы решили именными презервативы выпускать...

— Это просто «телега» — информация, которая не имеет под собой никакого основания. Если ты хочешь, чтобы тебя люди слушали, их надо все время удивлять.

— Но зачем же врать людям? Вот какой-нибудь мальчик 15-летний узнает, что врешь, и скажет: я больше не буду этого дядю слушать, он мне врет.

— Основной месседж панк-рока заключается в том, что мы, может быть, когда-то говорим правду, но понять, когда мы врём, очень сложно.

Самоирония — очень важный элемент панк-культуры в целом. А вот для того чтобы политикой заниматься, тоже нельзя быть самоироничным. Вот Шварценеггер — он, в принципе, клоун, но сейчас, когда он стал полити-

В БАНКЕ

НЕОБХОДИМО ИДТИ НА КОМПРОМИССЫ

русской фигурой, ему придется делать свое дело довольно серьезно.

— А Жириновский?

— Ну он один такой. За него голосуют ведь в большинстве своем не те люди, которые понимают, что его действия — смешные, а те, кто на этом серьезе на это ведется.

— Ты ходишь на выборы?

— Да.

— А зачем, ты же панк:

«Мама — анархия, папа — стакан портвейна»?

— Мне очень нравится эта песня, мы пели ее на «Кино-пробах» и до сих пор поем на своих концертах. Но на самом деле панк-рок не такой. Нельзя все истолковывать буквально.

— С возрастом ты стал менее радикален...

— Если ты считаешь, что мне не хватает радикальности, сходи в клуб «Б2» и спроси, были ли у них со мной проблемы.

— Да, я знаю, ты там у них на сцене штаны расстегивал и всем все показывал...

— Это-то ерунда. Я там еще весь аппарат сломал. Все

— А Сид Вишеза тоже «крышевала» какая-то политическая сила?

— Сид Вишез умер в 19 лет; он человек, который сделал карьеру с 17 до 19, а потом просто передознулся. Зачем же брать такие экстраординарные примеры? Я на самом деле делал много вещей в своей жизни, чтобы умереть рано, но так получилось, что я остался жив. Я себя виновным в этом не считаю и продолжаю жить и делать то, во что я верю. А с Сидом Вишезом непонятно что бы стало, доживи он до сорока. Вот, например, Джонни Роттен, который тоже играл в «Секс-пистолз», не умер — остался жив, и я знаком с ним.

— Он вяжет носки?

— Не думаю, что прямо вяжет, но мне он нравится. Я, когда его вижу каждый раз, отношусь к нему с симпатией, с такой же приблизительно, как к Гребенщикову. БГ вообще остался единственным порядочным человеком во всей этой русско-роковой тусовке, которая раньше называлась андеграундом. Как сказал Пелевин в сво-

— Мне кажется, это особенность новейшего времени. Глобальная культура, против которой, собственно, и выступают антиглобалисты, стала настолько сложной и умной, что научилась включать в себя очень разнородные элементы.

К примеру, американское общество не могло переварить панк-рок, когда он там появился в начале 70-х. Но когда немного позже в Англии появились «Секс-пистолз», там мейнстрим был настолько силен, что мог позволить себе включать в себя деструктивный элемент. Современное постиндустриальное общество — я имею в виду в первую очередь США и Европу — научилось включать в свой состав враждебные изначально элементы и получать с них прибыль.

Я думаю, эта эклектика массовой культуры в конце концов приведет ее к кризису, потому что все равно есть такого рода протест, который она переварить не сможет. Не бунт на коленях, не карманную оппозицию, а тех, кто садится в самолет, режет людей, убивает их и сам погибает.

Повзрослевшие панки готовы отдать свой голос. На выборах

комбы, которые стояли на сцене, я выкинул просто на х...

— Но это же не социальный протест. Это ребячество. Социальный протест — это если бы ты пришел к Государственной Думе и вы не организуете какое-то антисоциальное движение?

— Потому что я вижу, что в нашей стране это возможно только в том случае, если тебя «крышует» какая-то более серьезная политическая сила. Если говорить серьезно, то все антиглобалисты здесь «крышуются» КИРПФ. Это смешно, но это так.

Настоящего панка с настоящим протестом в нашей стране тоже быть не может, пока его не будут «крышевать». В противном случае это будет не больше чем бунт на коленях в формате одной пятиэтажки.

ей последней книге: «Спасибо, Боб, только ты не продался».

— А Шевчук двинул Киркову.

— Вот видишь, вот мы об этом до сих пор вспоминаем. А на самом деле ведь и один, и другой когда-то наверняка делали что-то более значимое в общечеловеческом смысле, но мы не помним этого... Шевчук, кстати, потом Киркоровым и Шевчуком устроил кулачный бой — в «Лужниках», к примеру. Билеты сделать — 500 рублей, в ВИП-зону — 200 долларов. Будет реальный биток, никакого оборудования не надо, свет можно использовать тот, который есть, привезти боксерский ринг. И там бы они дрались...

— Шевчук позиционирует себя так, что он против массовой культуры, но в результате принимает участие в проекте, заведомо задуманном как коммерческий (я имею в виду песню «Попса»).

— Шнуров как-то сказал: «Говорить о политике — все равно что пытаться вые...ть кошку».

— Странные у него ассоциации. Ну Шнуров вообще интересный персонаж...

— Вот он, по-моему, панк или был им. Теперь, правда, тоже стал «карманным», после того, как с Лужковым познакомился.

— Если бы он не шел на компромисс, о нем бы тоже никто не узнал.

— Но ведь БГ, Шевчук, Цой, Кинчев в свое время стали популярными именно потому, что их нельзя было слушать. Там работал закон противоречия.

— Нельзя сравнивать ситуацию сейчас и то, что было, когда был Советский Союз. Сейчас ситуация гораздо более подконтрольная, чем тогда. Неважно, что сейчас больше телеканалов. Если у тебя нет денег или тебя не «крышует» кто-то, ты не получишь доступа никуда.